

ДЭН
СИММОНС

DAN
SIMMONS

THE FIFTH HEART

ДЭН
СИММОНС

ПЯТОЕ СЕРДЦЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С37

Серия «Мастера фантазии»

Dan Simmons

THE FIFTH HEART

Перевод с английского *Е. Доброхотовой-Майковой*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Художник *С. Неживясов*

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства BAROR INTERNATIONAL, INC.,
Armonk, New York, U.S.A.

Симмонс, Дэн.

С37 Пятое сердце : [роман] / Дэн Симмонс ; [перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 608 с. — (Мастера фантазии).

ISBN 978-5-17-156921-1

1893 год. Генри Джеймс, классик американской литературы, остро переживает творческий кризис. Он приезжает в Париж и промозглой мартовской ночью пытается утопиться в Сене, но его спасает эксцентричный незнакомец, назвавшийся Шерлоком Холмсом. Он увлекает Джеймса в путешествие по Америке, чтобы распутать загадочное самоубийство давней знакомой Джеймса, одной из основательниц аристократического клуба Пяти сердец. В этой истории будут поединки на ножах и международный терроризм, тайные знаки и неожиданные озарения, Бичер-Стоу и профессор Мориарти, а также Киплинг, Рузвельт, Пуаро, Марк Твен и многие другие — целая плеяда выдуманных персонажей и реальных знаменитостей.

Но одна из главных загадок — кто же он на самом деле, Холмс, фигура с тысячью лиц, человек, которого, по его собственному уверению, не существует?

Итак, господа, в дорогу!
Игра началась!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-156921-1

© Dan Simmons, 2015
© Перевод. Е. Доброхотова-Майкова, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

*Эта книга посвящается Ричарду Кертису, бесценному лиагенту
и дорогому другу, который разделяет мою любовь к бейсболу
и мистеру Генри Джеймсу*

Часть 1

ГЛАВА 1

Аждливым мартом 1893 года по причине, никому не ведомой (главным образом потому, что никто, кроме нас, об этой истории не знает), проживающий в Лондоне американский писатель Генри Джеймс решил провести свой день рождения, пятнадцатое апреля, в Париже и там, в самый день рождения либо накануне, покончить с собой, утопившись в Сене.

Я могу сообщить вам, что Джеймс той весной находился в глубокой депрессии, но не могу сказать, почему именно. Разумеется, он пережил кончину близкого человека: годом раньше, 6 марта 1892-го, умерла от рака груди его сестра Алиса, однако для нее нездоровье много десятилетий было образом жизни, а страшный диагноз стал надеждой на избавление. Как призналась Алиса своему брату Генри, смерть ей давно желанна. Сам Генри, по крайней мере в письмах к друзьям и родным, выражал полное согласие с такими настроениями сестры, вплоть до того, что описал, как очаровательно выглядело ее мертвое тело.

Быть может, незадокументированная хронистами депрессия усиливалась тем, что в предшествующие годы книги

Джеймса продавались довольно плохо: «Бостонцы» и «Княгиня Казамассима», написанные в 1886-м и вдохновленные медленным умиранием Алисы, а также ее «бостонским браком»* с Катариной Лоринг, провалились и в Англии, и в Америке. Поэтому к 1890 году Джеймс начал писать для театра. Хотя его инсценировка «Американца» имела лишь умеренный успех, да и то не в Лондоне, а в провинции, он уверил себя, что именно театр принесет ему богатство. Однако уже к началу 1893-го Джеймс начал осознавать, что льстился несбыточными надеждами. Прежде чем роль эта отошла Голливуду, именно английский театр притягивал к себе литераторов, которые — подобно Генри Джеймсу — понятия не имели, как написать успешную пьесу для широкой публики.

Биографы лучше поняли бы эту внезапную глубокую депрессию, случись она не в марте 1893-го, а весной 1895-го, когда Джеймса, неосторожно вышедшего на поклон после лондонской премьеры «Гая Домвилла», ошарашивает и освищет публика. Люди, заплатившие за билеты (в отличие от светских дам и джентльменов, которым Джеймс пошлет контрамарки), не читавшие его романы и даже не слышавшие о нем как о литераторе, будут свистеть и шикать исходя из достоинств самой пьесы. А «Гай Домвилл» будет очень, очень плохой пьесой.

Даже раньше, всего год спустя, когда в январе 1894 года его приятельница Констанция Фенимор Вулсон выбросится из окна венецианского дома (возможно, потому что Генри Джеймс не приедет к ней в Венецию, как обещал), писатель впадет в страшную депрессию, усиленную чувством собственной вины.

К концу 1909 года стареющего Джеймса настигнет еще более глубокая депрессия — настолько глубокая, что его старший (и умирающий от болезни сердца) брат Уильям пересечет Атлантику, чтобы буквально держать Генри за руку в Лондоне.

---

*«Бостонским браком» в конце XIX — начале XX в. в Новой Англии называли совместное проживание двух незамужних женщин. Термин предположительно восходит к роману Генри Джеймса «Бостонцы», хотя сам Джеймс его не употреблял. «Бостонский брак» обычно подразумевал романтическую дружбу, но совсем не обязательно то, о чем в первую очередь подумает современный читатель. — *Здесь и далее примеч. пер.*

В те годы Генри Джеймс будет оплакивать «сокрушительно низкие продажи» так называемого Нью-йоркского собрания своих трудов, на которое потратит пять лет, переписывая длинные романы и снабжая каждый пространством предисловием.

Впрочем, в марте 1893-го до этой последней депрессии оставалось шестнадцать лет. Мы не знаем, чем именно Джеймс был удручен в ту весну и почему внезапно решил, что покончить с собой в Париже — единственный для него выход.

Одной из причин мог стать тяжелый приступ подагры, который Джеймс пережил холодной английской зимой 1892—1893 годов, — тогда он вынужден был отказаться от ежедневного моциона и еще больше располнел. А возможно, дело было просто в том, что в апреле ему исполнялось пятьдесят — рубеж, вгонявший в тоску и более сильные натуры.

Мы никогда не узнаем.

Однако мы знаем, что именно с этой депрессии — и вызванного ею намерения свести счеты с жизнью, утопившись в Сене пятнадцатого апреля либо раньше, — начинается наша история. Итак, в середине марта 1893 года Генри Джеймс (он перестал добавлять к фамилии «младший» вскоре после смерти своего отца в 1882 году) написал из Лондона родным и друзьям, что задумал «немного отдохнуть от ежедневных сочинительских трудов и встретить весну, а равно мой полувековой юбилей в солнечном Париже, прежде чем присоединиться к брату Уильяму и его семье во Флоренцию». Но писатель не собирался в конце апреля ехать во Флоренцию.

Упаковав табакерку с краденым прахом сестры Алисы, Джеймс сжег письма от мисс Вулсон и нескольких знакомых молодых людей, вышел из чисто прибранной квартиры в Девир-гарденс, сел на поезд, приходящий к пакетботу в Шербур, и прибыл в Город Света вечером следующего дня — более сырого и холодного, чем даже в стылom мартовском Лондоне.

Он поселился в гостинице «Вестминстер» на Рю-де-ля-Пэ, где как-то пробыл месяц, сочиняя рассказы, в том числе своего любимого «Ученика». Впрочем, слово «поселился» в данном случае не вполне уместно: писатель не имел намерения провести в гостинице несколько недель до своего дня рождения, к тому же плата за номер в «Вестминстере» была по его

нынешним стесненным обстоятельствам чрезмерно высока. Он даже не стал распаковывать чемодан, поскольку не планировал прожить еще ночь — здесь, да и вообще на земле, поскольку внезапно решил не тянуть с принятым решением.

После прогулки по сырым и холодным садам Тюильри и одинокого обеда (он не стал искать встречи с парижскими друзьями или гостящими в городе знакомцами) Генри Джеймс выпил последний бокал вина, надел шерстяное пальто, убедился, что запечатанная табакерка по-прежнему в кармане, и, стуча по мокрым камням бронзовым наконечником закрытого зонта, зашагал сквозь тьму и морозящий дождь к избранному месту близ Пон-Нёф — Нового моста. Даже неспешной походкой корпулентного джентльмена дотуда было меньше десяти минут ходьбы.

Величайший мастер слова не оставил предсмертной записки.

ГЛАВА 2

Место, где Джеймс наметил расстаться с жизнью, располагалось всего лишь в шестидесяти ярдах от широкого, ярко освещенного Пон-Нёф, но здесь, под мостом, было темно, и еще темнее — на нижнем ярусе набережной, где черная холодная Сена плескала о замшелые камни. Даже днем это место бывало почти безлюдным. Джеймс знал, что иногда здесь стоят проститутки, но не в такую промозглую мартовскую ночь, — сегодня они держались ближе к своим гостиницам на Пляс-Пигаль или отлавливали клиентов в узких улочках по обе стороны сияющего огнями бульвара Сен-Жермен.

К тому времени, как Джеймс, стуча зонтиком, добрался до стрелки набережной, которую присмотрел при свете дня — она была в точности такой, какой он запомнил ее по прошлым визитам в Париж, — стемнело уже настолько, что он не видел, куда идет. Дождь украсил фонари на другом берегу Сены ироническими нимбами. Барж и катеров почти не было. Джеймсу пришлось нащупывать последние ступени зонтом, как слепо-

му — тростью. Лужи и усилившийся дождь отчасти приглушали скрип колес и стук копыт на мосту, так что привычные звуки казались далекими и отчасти даже нереальными.

Джеймс скорее ощущал, слышал и обонял огромность реки, нежели видел ее в кромешном мраке. Лишь когда наконец зонти, не найдя мостовую, завис над пустотой, Джеймс замер на узком конце стрелки. Он знал, что дальше ступеней нет, лишь шести- или семифутовый обрыв к стремительной черной воде. Еще шаг — и со всем будет покончено.

Джеймс достал из внутреннего кармана табакерку слоновой кости и погладил ее пальцами. Движение это напомнило ему прошлогоднюю записку в «Таймс», где утверждалось, что эскимосы не создают украшений для глаз, но обтачивают камешки, чтобы радовать осязание в долгие месяцы северной зимы. Мысль вызвала у Джеймса улыбку. Он чувствовал, что для него северная зима оказалась чересчур долгой.

Когда год назад в крематории он украл несколько шепоток Алисиного праха — Катарина Лоринг меж тем ждала сразу за дверью, чтобы забрать урну в Кембридж и похоронить на кладбище, где у Джеймсов был свой уголок, — то искренне собирался развеять его там, где младшая сестра была всего счастливее. Однако шли месяцы, и Джеймс все яснее осознавал неисполнимость этой идиотской миссии. *Где?* Он помнил хрупкое счастье Алисы, когда они оба были куда младше и путешествовали по Швейцарии с тетушкой Кейт, дамой основательной и склонной все трактовать буквально, как гамлетовский могильщик. За недели вдали от семьи и американского дома предрасположенность Алисы к нервическому заболеванию, уже тогда довольно выраженная, заметно ослабела — так что поначалу Джеймс думал отправиться в Женеву, где они вместе хохотали и состязались в остроумии, в то время как бедная тетушка Кейт не понимала их ироническую словесную игру, весело подтрунивали друг над другом и над тетушкой, прогуливаясь по регулярным садам и променадам у озера.

Однако в конце концов Джеймс решил, что Женева — место для задуманного не вполне правильное. В той поездке Алиса лишь разыгрывала «выздоровление» от болезни, а он, в свою очередь, разыгрывал соучастие в ее хрупкой радости.

В таком случае, участок под Ньюпортом, где Алиса выстроила свой домик и прожила год, внешне совершенно здоровая и всем довольная.

Нет. То было начало ее дружбы с мисс Лоринг, а за месяцы, прошедшие с похорон сестры, Джеймс ощущал все острее, что мисс Катарина П. Лоринг и без того занимала в жизни Алисы непомерно большое место.

В итоге он так и не придумал, где развеять эти жалкие щепотки пепла. Может быть, Алиса была близка к счастью лишь в ньюпортские, а затем кембриджские месяцы или годы до того, что назвала «ужасным летом», когда, 10 июля 1878 года, их старший брат Уильям обвенчался с Алисой Гиббенс. Много лет сам Уильям, ее отец, ее брат Гарри, братья Боб и Уилки, а также бесчисленные гости шутили, что Уильям женится на ней, Алисе. Она всегда сердилась на дежурную шутку, но теперь — после долгих лет ее самовнушенной болезни, а затем и смерти — Генри Джеймс осознал, что Алиса отчасти поверила в свой брак с Уильямом и была совершенно раздавлена, когда он женился на другой — на девушке, по жестокой иронии, тоже носившей имя Алиса.

Как сестра однажды сказала Генри Джеймсу, в то лето, когда Уильям женился, она «погрузилась в морскую бездну, и темные волны закружились над ее головой».

Так что в эту, последнюю ночь он решил, что просто сожмет в руках табакерку с останками несбывшегося Алисиного бытия и вместе с нею шагнет в черные воды забвения. Джеймс знал, что должен загасить писательское воображение и не гадать, будет ли река обжигающе холодной и не станет ли он — понуждаемый атавистической жаждой жизни в тот миг, когда грязная вода Сены хлынет в его легкие, — барахтаться в отчаянной попытке доплыть до отвесного замшелого уступа.

Нет, думать надо об одном: о том, что боль останется позади. Полностью очистить мозг — задача, которая никогда ему не давалась.

Джеймс занес ногу над пустотой.

И внезапно понял, что черный силуэт, который он принимал за столб, на самом деле человек, стоящий менее чем в двух футах от него. Теперь Джеймс видел лицо с орлиным профи-

лем, отчасти скрытое низко надвинутой мягкой шляпой и поднятым воротником дорожного плаща с пелериной, более того, слышал даже дыхание незнакомца.

* * *

Сдавленно вскрикнув, Джеймс неловко сделал шаг назад и в сторону.

— *Pardonnez-moi, Monsieur. Je ne vous ai pas vu là-bas**, — выговорил он, ничуть не покривив душой, так как и впрямь поначалу не заметил этого человека.

— Вы англичанин, — произнес высокий силуэт.

В его английском явственно слышался скандинавский акцент. Шведский? Норвежский? Джеймс не мог определить точно.

— Да. — Джеймс повернулся к ступеням, чтобы идти прочь.

И в это время мимо прошел редкий для такого времени «Бато Муш», парижский речной трамвай; яркие фонари на его правом борту выхватили из тьмы лицо высокого незнакомца.

— Мистер Холмс! — невольно вырвалось у Джеймса.

От неожиданности он попятился. Его левый каблук навис над пустотой, и неудачливый самоубийца все же оказался бы в реке, если бы высокий джентльмен с быстротой молнии не ухватил его за грудки и рывком не втащил обратно на стрелку.

Назад к жизни.

— Как вы меня назвали? — спросил незнакомец, по-прежнему крепко держа Джеймса за пальто. Скандинавский акцент совершенно исчез. Голос был отчетливо культурный английский и никакой больше.

— Приношу извинения, — запинаясь, проговорил Джеймс. — Видимо, я обознался. Простите, что нарушил ваше одиночество.

Произнося эти слова, Генри Джеймс не только знал, что перед ним именно Холмс — хотя волосы у высокого англичанина были темнее и гуще, чем в их прошлую встречу (тогда

---

* Извините, мсье. Я тебя не заметил (*фр.*).

они лежали прилизанными, сейчас жестко топорщились), над верхней губой появились пышные усы, а форма носа слегка изменилась за счет актерской мастики или чего-то в таком роде, — он не менее отчетливо понимал и другое: за миг до его появления из тьмы, о котором возвестило мерное постукивание зонтика, детектив и сам намеревался броситься в Сену.

Генри Джеймс чувствовал себя по-дурацки, однако, раз увидел лицо и услышав фамилию, он запомнил их на всю жизнь.

Он попытался было шагнуть прочь, но сильные пальцы по-прежнему держали его за пальто.

— Как вы меня назвали? — требовательно повторил высокий джентльмен. Тон его был холоден, как сталь на морозе.

— Я принял вас за человека, с которым однажды встретился. Его звали Шерлок Холмс, — выдавил Джеймс, мечтая об одном: очутиться в постели в своей комфортабельной гостинице на Рю-де-ля-Пэ.

— Где мы встречались? — спросил джентльмен. — Кто вы? Джеймс ответил лишь на второй вопрос:

— Меня зовут Генри Джеймс.

Во внезапной панике он едва не добавил давно отброшенное «младший».

— Джеймс, — повторил мистер Шерлок Холмс. — Младший брат великого психолога Уильяма Джеймса. Вы — американский сочинитель, живущий по большей части в Лондоне.

Даже в смятении от физического контакта с другим человеком Джеймс почувствовал острую обиду: его назвали младшим братом «великого» Уильяма Джеймса. Пока старший брат в 1890 году не опубликовал свои «Основания психологии», его вообще не знали за пределами узкого гарвардского кружка. Книга, по неведомым Генри причинам, принесла Уильяму международную славу среди интеллектуалов и других исследователей человеческого разума.

— Соблаговолите немедленно меня отпустить, — произнес Джеймс самым суровым тоном, какой мог изобразить.

В ярости от чужого прикосновения он позабыл, что Холмс — а это определенно был Шерлок Холмс — только что спас ему жизнь. А может, спасение еще увеличило его счет к горбоносому англичанину.

— Скажите, где мы встречались, и отпущу, — ответил Холмс, все так же сжимая его лацканы. — Меня зовут Ян Сигерсон, я довольно известный норвежский путешественник.

— В таком случае тысяча извинений, сэр, — проговорил Джеймс, не чувствуя за собой и тени вины. — Я, очевидно, ошибся. На секунду в темноте мне почудилось, что вы — джентльмен, с которым я познакомился четыре года назад на чайном приеме в Челси. Прием давала знакомая мне американка, миссис Т. П. О'Коннор. Я прибыл с леди Вулзли и другими членами литературного и театрального мира: мистером Обри Бердслеем, мистером Уолтером Безантом... Перл Крэги, Марией Корелли, мистером Артуром Конан Дойлом, Бернардом Шоу, Дженеьевой Уорд*. Во время чая меня познакомили с гостем миссис О'Коннор, неким Шерлоком Холмсом. Теперь я вижу, что сходство... чисто поверхностное.

Холмс отпустил его.

— Да, теперь припоминаю. Я недолгое время жил в доме миссис О'Коннор, расследуя загадку пропажи драгоценностей. Украд, разумеется, слуга. Как оно всегда и оказывается.

Джеймс поправил лацканы пальто и галстук и крепко оперся на зонт, намереваясь без дальнейших слов покинуть общество Холмса.

Поднимаясь по ступеням, он с неприятным изумлением обнаружил, что Холмс идет рядом.

— Поразительно, — говорил высокий англичанин с легким йоркширским акцентом, который Джеймс слышал у него на чаепитии в 1889-м. — Я выбрал личину Сигерсона два года назад и с тех пор не раз встречал — при свете дня! — людей,

---

* *Миссис Т. П. О'Коннор* — жена Т. П. О'Коннора (1848–1929), ирландского политика и журналиста. *Леди Вулзли* (1843–1920) — жена британского фельдмаршала Гарнета Джозефа Вулзли (Уолсли) (1833–1913); Генри Джеймс дружил с фельдмаршалом и его супругой на протяжении почти сорока лет и все это время писал им письма, которые затем издал отдельной книгой. *Уолтер Безант* (1836–1901) — англо-американский романист и историк, деверь знаменитой теософки Анни Безант. *Перл Мария Тереза Крэги* (1867–1906) — англо-американская писательница, издававшаяся под псевдонимом Джон Оливер Хоббс. *Дженевьева Уорд* (1837–1929) — английская оперная певица и актриса американского происхождения.